

с. 1.

Литературныя замѣтки.

кончини М. Е. Салтыкова.—Раз-
р. Успенскаго.—Ободрающее впечат-
рассказа.—Правд-ли г. Успенскій въ
волемихъ съ г. Чеховымъ.—Романъ г.
и повѣсть г. Ромера.—Статья г. Ка-
объ искусствѣ.—Его мнѣніе о публи-
въ искусствѣ. Мнѣніе г. Шелгунова
публицистики.—Общества тревож-
Швейцаріи.—Статья г. Шенотъ
Ковшница книги Летурио о собствен-
—О равныхъ другъ статьяхъ „Рус. Мыс-“

Этотъ разъ намъ приходится на-
свои статейку подъ впечатлѣ-
горестной утраты, которую поне-
давно русское общество. Безпо-
смерть похитила изъ рядовъ
красу и гордость русской ли-
туры, М. Е. Салтыкова, бывшаго
своей области единственнымъ и не-
побѣдимымъ. Богѣ сорокъ лѣтъ онъ
неустанно со всѣмъ темнымъ и
темнымъ въ вашей жизни, освѣщаль
нѣтъкимъ словомъ все, что толь-
столю препятствіемъ на пути раз-
русского общества. Трудно даже
безъ подробнаго разсмотрѣнія
принадное вліяніе которое онъ ока-
несомнѣнно на поднятіе уровня
интеллигенціи. Можно безъ пре-
сказать, что не будь его.
въ вашей жизни, не было такого
окружающихъ насъ условий,
мы имѣемъ теперь. Страстный
онъ обладалъ еще и крупнымъ
искусственнымъ талантомъ, рѣдкой
способностью создавать глубоко-типиче-
образы, что сказалося между про-
и въ типичности его сатиры. Изъ
словъ, имъ созданныхъ, достаточно
помнить Гудушку въ „Семействѣ
Семействъ“, который положительно
уступаетъ самымъ яркимъ создани-
Гоголя, чтобы понять всю силу
художественнаго таланта.
Много писалось и еще будетъ пи-
въ нашей литературѣ о покой-
сатирикѣ. Произведенія его пред-
валятъ значеніе неумирающее, тотъ
станный капиталъ, который перехо-
изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ
нѣбывающее наследство. Въ наше вре-
больше обращалось вниманія на его
художественное вліяніе, на тѣ произведе-

нія, которыя представляли громадное
значеніе для переживаемаго нами мо-
мента. Можно думать, что будущее об-
ратитъ большее вниманіе на художест-
венную сторону его дарованія, потому
что она не утратитъ своего значенія
никогда. Слѣдуетъ прибавить еще, что
тотъ, кто столько поработалъ, кто сдѣ-
лалъ столько, какъ М. Е. Салтыковъ,
тотъ можетъ умереть спокойно, съ пол-
нымъ сознаніемъ, что память о немъ
безсмертна.

Въ апрѣльской книжкѣ „Рус. Мыс-
ли“ наибольшее вниманіе обращаетъ
на себя новый очеркъ г. Успенскаго
изъ серіи его рассказовъ подъ общимъ
заглавіемъ: „Грѣхи тяжкіе“. Очеркъ
этотъ называется: „О томъ, что на тво-
рила акушерка Анна Петровна“ и со-
стоитъ изъ двухъ частей, беллетристи-
ческой и публицистической. Первая
изъ нихъ, коротенькая, всего въ нѣ-
сколько страничекъ, безусловно пре-
красна. Въ ней авторъ, съ обычнымъ
своимъ мастерствомъ, обрисовываетъ
одно изъ свѣтлыхъ явленій нашей жи-
зни, одинъ изъ свѣтлыхъ характеровъ
нашемъ обществѣ. Какая-то акушерка,
ѣдущая къ матери, разговориваетъ до-
рогою съ ямщикомомъ и узнаетъ отъ не-
го о мошеннической продѣлкѣ мѣстныхъ
кулаковъ, купившихъ для себя отъ
имени общества богатое имѣніе при
помощи крестьянскаго банка. Аку-
шерка живо прониклась рассказомъ
ямщика, приняла къ сердцу ин-
тересы крестьянъ, какъ свои соб-
ственные, и съ искренностью че-
стной натуры, не задумываясь надъ
трудностью задачи, вступилась за нихъ.
Она поѣхала къ помѣщику—продавцу,
рассказала ему обстоятельства дѣла и
приостановила продажу, заразивъ и про-
давца своимъ честнымъ негодовані-
омъ противъ неправды. Такимъ обра-
зомъ, удалось ей помочь крестьянамъ 25
деревень, которые, купивъ землю, под-
няли сразу свое хозяйство и забавились
отъ безысходной нужды.

Къ этому рассказу авторъ прибавилъ
нравоученіе въ формѣ разговора по по-
воду его нѣсколькихъ господъ, собрав-
шихся для товарищеской бесѣды. Нѣ-
которыя стороны ихъ разговора прямо

вытекають изъ разсказа и далеко не
могутъ быть названы лишними въ очер-
кѣ. Въ наше время нѣрѣдко выс-
казываются самыя нежелательныя мнѣнія
о предшествовавшемъ поколѣніи, по-
колѣніи 60-хъ и 70-хъ гг. ко-
торое будто бы довело общество сво-
ими ошибками до теперешняго апатиче-
скаго состоянія. Собесѣдники г. Успен-
скаго принадлежать именно къ этому
поколѣнію, и то бодрящее впечатлѣніе,
которое производитъ на нихъ рассказъ
объ Аннѣ Петровнѣ, должно также от-
развиться и на читателей этого поко-
лѣнія. Если во многомъ оно ошиблось,
если впадало въ крайности, то оно все-
таки не имѣетъ повода унывать и счи-
тать свою дѣятельность безрезультатной.
Оно сдѣлало, быть можетъ, больше чѣмъ
какое-либо другое поколѣніе, потому что
развивало въ нашемъ обществѣ „добрыя
чувства“, способность горячо, какъ къ
самому себѣ, относиться къ несчастіямъ
ближняго.

Въ виду глубокаго интереса затроги-
ваемаго авторомъ вопроса, считаемъ не
лишнимъ привести здѣсь нѣсколько
строкъ изъ рѣчи одного изъ его собе-
сѣдниковъ. „Разъ у насъ потихонечку
множатся—говорить этотъ собесѣдникъ
—добрые люди, Анны Петровны, какъ
же смѣете вы, старичье вы преунылое,
вить и скрежетать о нашемъ мучитель-
номъ прошломъ и жесвидѣтельствовать,
будто бы оно минувало, не оставивъ
слѣда и яко бы ничего не вышло? Вз-
ываю къ тебѣ, облыслое, посѣдлое, рас-
толстѣлое или одряхлѣлое старичье!
Вышло и выросло! Вышли и выросли
Анны Петровны, выросли тысячами и
сотнями тысячъ, а поживуть онѣ, цѣны
и оберегая въ ближнемъ чистоту само-
го себя,—выростутъ, благодаря имъ и
цѣлыя тѣмъ“! Нельзя также не согла-
ситься и съ заключеніемъ автора о зна-
ченіи такого сознанія для старѣющагося
теперь поколѣнія. „Ощутить въ себѣ—
говорить онъ—въ тягостную минуту
жизни каплю искреннаго сознанія, что
прошлое, хотя и утраченное, не было
ошибкой, заблужденіемъ, и что прине-
сло даже видимо хорошіе результаты,—
это большое счастье для человѣка, ока-
чывающаго жизненный путь“.

Со всѣмъ этимъ нельзя не согласи-

J. Умань
РМНУ

ся безусловно и нельзя не возрадоваться, что раздалось в нашей литературе такое хорошее, ободряющее слово. Гораздо слабѣ замѣчания автора по поводу драмы г. Чехова: „Ивановъ“,—замѣчания, которыя нельзя не признать нѣсколько запуганными и неясными. Г. Успенскому не понравилось въ драмѣ г. Чехова объясненіе болѣзни Иванова (говоримъ „болѣзни“ потому что она имѣетъ даже научное обозначеніе—„неуростенія“) его прежней общественной дѣятельностью. „Объяснять—говорить онъ—причины такого безсмысленнаго существованія извѣстной части нашего общества тѣмъ, что нѣкоторые изъ этихъ страдальцевъ погибаютъ отъ слишкомъ напряженной общественной дѣятельности—это значить съ больной головы переносить на здоровую“. Для объясненія нравственнаго состоянія Иванова, онъ выдвигаетъ свою собственную теорію, называя такое состояніе „жизнью въ гипнотическомъ снѣ“. Дѣло въ томъ, что Ивановъ, какъ загипнотизированные подвергся утратѣ сознанія, почему и потерялъ смыслъ человеческой жизни. Произошло же это отъ того, что онъ, какъ и остальные дѣйствующія лица драмы, выросъ и жилъ въ то время, когда „сознательная жизнь общества все убывала и убывала въ своихъ размѣрахъ“.

Объясненіе г. Успенскаго едва ли что-либо объясняетъ, если даже признать объясненіе г. Чехова не вполне удовлетворительнымъ. Положимъ, что Ивановъ дѣйствительно выросъ въ то время, когда сознательная жизнь общества все убывала въ своихъ размѣрахъ. Но что же это доказываетъ? Во всякомъ случаѣ, Ивановъ, по словамъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы, жилъ вполне сознательной жизнью, когда другіе ея не жили, и былъ въ своемъ родѣ личностью вовсе незаурядной. Изъ окружающаго насъ мы знаемъ также, что такое превращеніе вполне возможно и даже можно бы указать примѣры на лицахъ болѣе или менѣе извѣстныхъ. А главное, что же создало утрату въ обществѣ сознанія, или, вѣраже, ослабленіе его? Неужели слѣдуетъ приписать это лишь воздѣйствію внѣшнихъ причинъ, а не внутреннихъ, лежащихъ въ самой натурѣ людей, слагающихъ

общество? Что же и производить въ обществѣ смѣну акціи реакціей, какъ не нервное утомленіе, которое въ той или другой степени отражается на каждомъ? Намъ кажется, что у нѣкоторыхъ оно можетъ выразиться и въ той рѣзкой формѣ нервной болѣзни, ослабленія воли, которая изображена г. Чеховымъ въ лицѣ Иванова. Возможность этого доказываетъ не только жизнь, но и литература.

Странно полагать, будто объясненіе болѣзни Иванова, данное г. Чеховымъ въ его драмѣ, что либо говорить противъ общественной дѣятельности. Если, по словамъ г. Успенскаго, газеты твердили по поводу Иванова: „Пора всѣ эти бредни выкинуть изъ головы! Заблужденіе погубило! Самопожертвованіе довело до безсмыслицы!“—то на это икъ добрая воля. Вѣдь бываетъ переутомленіе и отъ ученія (самъ Ивановъ видитъ въ этомъ одну изъ причинъ своей болѣзни), но это еще ничего не можетъ говорить противъ науки. Въ крайнемъ случаѣ, образъ Иванова говоритъ только противъ злоупотребленія нервами, показываетъ обратную сторону того крайняго нервнаго напряженія, которое, къ сожалѣнію, неотдѣлимо отъ новѣйшихъ обществъ. Оно создаетъ какъ инвалидовъ науки, такъ и инвалидовъ общественной дѣятельности. Созданію послѣднихъ особенно способствовала та крайне нервная, напряженная полоса нашей жизни, которую мы пережили недавно.

Въ той же книжкѣ журнала встрѣчаемъ мы начало длиннаго романа г. Эртеля: „Гарденины“, взятаго изъ великосвѣтской жизни. Нельзя не порадоваться, что наши молодые беллетристы вступаютъ на путь созданія большихъ произведеній, но о романѣ г. Эртеля слѣдуетъ замѣтить, что лучше писать маленькія рассказы, чѣмъ такіе большіе, но неудачные романы. Давно уже не случалось намъ читать болѣе аляповатаго произведенія, которое положитель-но ничего хорошаго не общаетъ и въ будущемъ. Авторъ—мы вполне въ этомъ увѣрены—даже не знакомъ совершенно съ той средою, которую взялся описывать, почему у него и получились вѣсто людей какія то дереванки. Пови-

А. Уманьскій